

16+

Мария Толмачёва

Эти Дети

Мария Толмачёва

Эти Дети

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Толмачёва М. А.

Эти Дети / М. А. Толмачёва — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жизнь в Детском Доме маленького негостеприимного городка стала невыносимой. Двое подростков, не знающих кто они и откуда, решаются на отважный шаг. Что ждёт их за воротами детства?

© Толмачёва М. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Я хотела рассказать эту историю Вам лично. За свою жизнь я очень много говорила, но, к сожалению, очень мало писала, поэтому мою историю вам передаст бумага.

Читатель, то, что ты здесь найдешь, может показаться тебе бредом старухи, вымыслом сказочницы. Но то, что я тебе сейчас расскажу, было на самом деле или, по крайней мере, таковым запомнилось мне.

Живу в этом городке я уже давно. Честно говоря, все свои девяносто восемь лет. Мое тело совершенно испорчено. Хорошо, что ты не увидишь этого. Но как бы я ни выглядела, мой разум до сих пор юн. Возможно, мы даже ровесники... Но о чем это я? Ухожу от темы. Наверное, это участь всех стариков. Может, всё же, мой разум не так молод, раз теряет нить во время разговора...

Около ста двадцати лет назад в этом городке сдружились двое сирот – рыжеволосый мальчик и еще более рыжая девочка, с такими четкими веснушками на лице, что казалось, она каждое утро выводила их коричневым фломастером с огромным прилежанием и мастерством, как рисует на куклах настоящий художник. В то время ритм часов был намного быстрее, если уж не для всей планеты, то для двух сирот точно: наш маленький городок вмещал в себя тысячу неразгаданных загадок, миллионы нераскрытых тайн, миллиарды вопросов и непременно требовал разгадки и ответы. Одна из воспитателей детского дома выпускала гулять ребят на целые сутки, ведь сбегать, как она думала, было незачем да и некуда: городок был окружен густым ельником. Обычно, дети просиживали по несколько часов в городской библиотеке в окружении книг и пустых залов, размышляя, от чего на самом деле погибали жители нашего городка (девочка была уверена, что полицейские всё привирают) : библиотеку когда-то построили слишком большую для одиноко стоящего городка – места там было столько, что можно было уместить всех жителей. После чтения, ребята бежали в кофейню, где полная бабушка угощала их чаем и иногда давала одну на двоих булочку с корицей, которая была, как говорила продавщица, «случайно повреждена во время приготовления», хотя на самом деле, она специально выпекала раз в день одну перекошенную булочку для детей.

Каким-то жарким летним полуднем, когда на улице только мошки и комары, потому что всему стальному живому на улице душно, двое задумали побег из детского дома, из города.

– А потом из страны! – вскрикнула Элизабет (так звали веснушчатую куклу), но ее губы тут же были пойманы тонкой белой рукой.

– Ещё громче крикни! – злобно шепнул Эрик, крепко прижимая свою худую руку к бледным губам подруги. Он уже чувствовал ее крупные зубы пальцами, девочка кривила лицо, пытаясь оттолкнуть его, но он был выше ее на две головы и явно не собирался отпускать, – Заткнулась? – фыркнул Эрик. Девочка попыталась втянуть как можно больше воздуха и, с шумом выдохнув, опустила руки и покорно покачала головой в знак согласия, – Так-то лучше. Карта города у тебя? – Элизабет снова кивнула и вложила смятый кусок бумаги и сломанный карандаш в протянутую длинную руку.

В этот жаркий полдень в городе было тихо, достаточно тихо, чтобы никто не мешал продумывать план, достаточно тихо, чтобы уйти незамеченными даже таким ярковолосым друзьям.

– Ты всё хорошо продумал?

– Конечно. Иначе, я бы не стал втягивать в этот тебя.

– Без меня ты бы не ушёл.

Дети лежали на пыльном полу старой библиотеки друг напротив друга, рассматривая карту округа.

– А куда дальше? – спросила Элизабет, подпирая кулаком голову – локоть при этом больно упирался в старую доску на полу, но разве можно чувствовать боль или думать о занозах в такой важный момент? – Остановимся здесь на какое-то время? – при этих словах она

провела пальцем от длинного прямоугольника в центре города на карте через весь лес и остановилась на крошечном квадратике за границей леса.

– С ума сошла! – он поднял ее палец от карты, – Первое время вообще придется всё время двигаться, чтобы нас не нашли. Можем остановиться ненадолго в нашем шалаше в лесу...

– Ты о нём никому не рассказывал? – перебила Элизабет.

– Кажется, нет, – он положил руку на голову и нахмурил густые светлые брови.

– Сам сказал «В этом деле никаких "кажется" и "наверное"! Только точные ответы!» – при этих словах Элизабет вскочила, сильно выгнув спину, высоко задрав голову и пытаясь изобразить голос Эрика. Он тоже встал на ноги:

– Не время шутить, Лиза. На кону наша свобода...

Лиза сделала один быстрый шаг через кусок карты, половица скрипнула, и Лиза повисла на шее у Эрика:

– Не переживай ты так. Мы с тобой будем классные, как в фильмах, Рик! Жаль, нас снимать на камеру не будут...

Рик обнял ее:

– Если нас будут снимать камеры, побега не выйдет. Хотя, в нашем городке камерам взяться не от куда: все, кажется, разъехались на лето, в «Приюте» (так назывался их детский дом) давно уже почти нет детей – только мы и несколько подростков. Волноваться не о чем. Главное – действовать быстро!

– Как скажешь, Рик, как скажешь... Когда выходим?

– Сейчас же. Второго шанса не будет.

Две рыжих головы бежали вдоль пустой однополосной дороги, которую местные гордо именовали «шоссе». Девочка запыхалась и прижимала руку к груди, словно пытаясь сдержать выпрыгивающее сердце; на спине её висел небольшой потрёпанный желтый рюкзак. Мальчик бежал быстрее, постоянно оглядываясь на золотые косы подруги, чтобы те не отставали. На его спине висел куда более громоздкий мешок с веревками вместо лямок. Солнце не сбавляло обороты и раскаляло воздух, в носу пересохло, и стало больно дышать.

– Я больше не могу! – закричала Элизабет, сбавляя шаг. Мальчик не останавливался, – Рик! Остановись!

Эрик развернулся и остановился, упер ладошки в колени и выгнул спину с тяжелым грузом:

– Нам до первой остановки... по плану... – задыхался он, – еще минут тридцать. Ставлю сто тысяч на то, что ты сможешь продержаться.

– У тебя нет денег, – улыбнулась Элизабет и сделала несколько шагов вперед.

– А вот и не правда! – рассмеялся мальчик, – Ты забыла? – он достал из кармана шорт свёрток и потряс им. Внутри зазвенели монеты, – А это что тогда?

– Но там нет и десяти тысяч, а ты ставишь сто! – она шагнула еще раз.

– Да, ты права, – Эрик развернулся к ней спиной и зашагал, ускоряя шаг, – у меня нет ста тысяч, и десяти – тоже. Но зато у меня есть твои нарядные платья, которые могут запросто потеряться по дороге...

– Ты этого не сделаешь! – вскрикнула девочка и зашагала вслед за ним.

– Ещё как сделаю: не в твоём же рюкзаке все наши вещи! – рассмеялся Эрик. Элизабет надула губы и, быстрее перебирая ступнями, поравнялась с другом. Через несколько секунд они уже снова бежали: она – быстро семеня крохотными ножками, он – оглядываясь назад на танцующие косички. Когда он увидел, что Элизабет больше не может быстро бежать, он перешел на медленный шаг, а после вообще остановился, дожидаясь ее. Когда они снова поравнялись, Эрик сказал:

– Не отставай – осталось совсем немного, – и, взяв её за руку, снова побежал.

Через двадцать минут ребята остановились, Эрик смотрел то на карту, то на часы и хмурил брови. Элизабет испугалась:

– Мы что, заблудились? – прошептала она.

– Нет, – улыбнулся Эрик, – просто прибежали быстрее, чем я ожидал, – еще немного изучив карту, он добавил, – Не плохо. Теперь сюда, – и указал длинной рукой в сторону тропинки, бегущей между стоящих порознь ёлок.

– Рик, может, сойдем с тропинки и пойдем как-то иначе? – спросила вдруг Элизабет.

– Это еще зачем? – остановился Эрик.

– По тропинке кто-то может пойти. Тогда нас увидят. Давай перестрахуемся!

– Умно! – сказал Эрик и окинул подругу с ног до головы взглядом одобрения, – А я и не подумал... – ребята сошли с тропы в траву и скоро зашагали в густеющий лес.

Жара спадала, на небе показались густые облака. Повсюду разбегались смешные дрожащие тени. В одной руке Эрик держал карту, в другой – руку Элизабет. Они шли нога в ногу. Иногда Эрик останавливался, смотрел в карту, хмурил брови, – сердце Элизабет сжималось в такие минуты и переставало биться – отпустив руку подруги и достав из-за уха карандаш, он рисовал линии и стрелки, потом убирал карандаш обратно, тихо говорил: «Теперь туда» и, указав направление, снова брал Элизабет за руку.

Через двадцать минут Эрик остановился, но не отпустил руку Элизабет, а стал оглядываться. Лес был живой: в воздухе пищали мошки, по деревьям перебегали рыжие хвосты белок, над головой носились друг за другом птицы, шуршали вокруг листья кустов и деревьев.

– Что-то не так? – спросила Элизабет, заглядывая в глаза другу.

– Похоже на то, – немного помолчав, сказал Эрик. Элизабет обняла руку мальчика и испуганно быстро задышала:

– Что такое?

– Не помнишь?

Девочка медленно помотала головой из стороны в сторону.

– Здесь уже должен был быть наш домик, – Эрик снова посмотрел на карту, – Может, мои данные не верны? – и он, оглядывая ветки деревьев, медленно пошел вперед. Элизабет боялась осматриваться – вдруг она увидит что-то страшное! – но всё равно последовала примеру друга – оставаться в лесу ночью без укрытия было куда страшнее!

Лес уже был окутан прохладным ветром, а солнце садилось, и света почти не было, когда вдруг Элизабет дернула Эрик за руку и вскрикнула:

– Рик!

– Тише! – осадил её друг, – Что такое? – он резко развернулся к ней и смотрел в ее огромные серо-голубые глаза.

– Вот же он! – она показала пальцем в сторону какой-то небольшой деревянной постройки в ветках ели, – а вот и лестница!

Ребята поспешили забраться в укрытие, сели на пол у стены и задремали.

В городе уже спали все, кроме двух перешептывающихся на кухне детского дома женщин.

– Ты везде обошла? – спрашивала женщина с густыми темными волосами, собранными в пучок.

– Везде, – отвечала ей другая женщина с кудрявыми светлыми.

– Нигде не было? – снова спрашивала дама с пучком.

– Нигде, – отвечала вторая. Руки её тряслись, и из краев большой красной кружки то и дело выплескивался горячий чай, проливаясь на ее длинную белую юбку. В этом детском доме все воспитательницы (а их было две) ходили в таких юбках.

– Что делать? – снова спросила девушка с пучком, – Через месяц отчеты буду собирать полицейские местные. Если кто-то узнает, нам вычтут из зарплаты, а то и вообще – уволят! – продолжила она, потирая виски на полном лице.

Через несколько молчаливых минут пришла очередь кудрявой женщины, и она спросила:

– Что делать будем? Их в этом городе все знают!

– Как же знают?

– Конечно! Мы выпускали их в город! – вскрикнула женщина, и руки ее затряслись чаще.

– Тише! – указательный палец темноволосой опустился на губы, – У меня есть идея...

Где хранятся их документы?

– Да там же, где и всех остальных – в ящике в приемной, – удивленно пролепетала скороговоркой светленькая и задержала дыхание, ожидая услышать план подруги.

– Отлично. Перепишем их даты рождений. Сколько там им было?

– Пятнадцать.

– Точно?

– Да-да, – затрясла кудряшками женщина, – я как раз в том же году пришла сюда работать, что и они здесь появились! Их день рождения как раз через месяц...

– Чудесно! Запишем так, словно им в этом году по восемнадцать стукнет! Возраст-то их вряд ли кто знает. Полиция придет только через месяц, так что к нам уже никаких претензий: совершеннолетние – птицы свободные – вылетают из гнезда!

– Здорово ты придумала! – вскрикнула снова блондинка. Темненькая закрыла пухленькой рукой ей рот, напоминая про тишину, – Но не слишком ли это жестоко? Что если они заблудились где-то? А если их сейчас какой-то маньяк мучает! А может, они уже мертв... – Подруга не дала ей договорить, сильнее, чем в первый раз, прижав ей руку ко рту:

– Если об этом не думать, быстро забудется... И никому не слова! Поняла?

Руки блондинки снова задрожали, и она покорно кивнула.

– Тебе не кажется, что здесь слишком чисто? – спросила Элизабет, когда Эрик проснулся. Она достала из шкафчика две чистые – даже не пыльные! – тарелки и один стакан.

– А где второй? – спросил Эрик.

– Я нашла только осколки на полке, – и она указала пальцем в маленький ящик в углу комнаты, в который они сбрасывали мусор.

– Может, белки забежали... – предположил мальчик и переместился с пола на табуретку.

– Да, и пыль протирали тоже они! – нахмурилась Элизабет, – Я хотела умыться. Взяла воду из рюкзака и пошла в соседнюю комнату (там они обычно ставили таз с водой и мылись, когда оставались здесь ночевать). Там в углу стоит ведро с чистой водой...

Эрик пристально посмотрел в глаза подруги, затем, встал с табуретки и одним шагом оказался в проеме другой комнаты. Там стояло полное ведро воды.

– Значит, наш домик нашёл кто-то ещё.

– Что будем делать? – испуганно спросила Элизабет.

– Сильно не переживай, Лиза. Кем бы ни был наш гость, мы хозяева. Если нужно будет – выгоним, – он сел обратно на табурет, – а сейчас я устал и хочу есть. Что там у нас?

– Есть фрукты и, – она достала завернутые в бумажку четыре половинки кривых булочек с корицей, – вот. Я не ела тогда, чтобы нам осталось на дорогу, – Элизабет положила на тарелку перед Эриком одну половинку и улыбнулась, – Есть еще печенья из столовой, но их можно оставить на потом, а булочки затвердеют...

Эрик посмотрел на Элизабет.

– Когда-нибудь я возьму тебя в жёны, – подумал он, потому что никому больше не достанется это золото, – и улыбнулся, жуя вчерашнюю булочку.

ДВЕ НЕДЕЛИ НАЗАД

– Ты уверена, что это хорошая идея? – мальчик, казалось, не на шутку нервничал, поправляя черные волосы на макушке.

– Конечно! Смотри, какой он потрясный! Совсем, как я мечтала! – кричала на весь лес девочка, сидя на пыльном полу в домике на дереве, – Не стой на пороге! Чего ты там, застрял что ли? – расхохоталась девочка, завязывая волосы на голове в тугий хвост, – Толстяк! Ты будешь есть всё, что тебе горничные приносят? Ты же не кот, – она снова истерически рассмеялась, – чтобы радоваться тому, что ты всё толще с каждым днём, – и рассмеялась еще громче.

– Кажется, нам стоит уйти отсюда, – отвечал мальчик, не обращая внимания на замечания сестры.

– Трус! Смотри, как он хорошо выстроен! – и она подпрыгнула и шумно приземлилась на деревянный пол, показывая, из каких толстых досок сооружена их находка, – Ты только посмотри как мило! – оно подошла к тумбочке и отворила дверцы, – Тут даже посуда есть! – достав стеклянный стакан, она принялась его разглядывать, но ничего, кроме толстого слоя пыли на дне, не нашла, – Ну и пылице тут!

– Видишь, Лара, посуда. Значит, здесь кто-то живёт, – сказал Роджер и осторожно вошел в домик.

– Нет же! Пылице, грязь! Да и ты видел хоть каких-нибудь взрослых, которые захотят жить в домике на дереве? Наверняка, здесь много лет назад просто какие-то дети играли.

Лариса, не выпуская из руки стакан, стала бегать по кругу.

– Что ты делаешь?

– Как что? Представляю, как дети здесь играли в догонялки! Смотри! Так они носились тут, – и она стала бегать еще быстрее, – А это было препятствие! – и она с разбегу перепрыгнула открытую дверцу тумбочки, – Твоя очередь!

– Нет, я не настолько дурной – бегать по комнате, как маленький! – нахмурившись Роджер подпер стену.

– Да не бойся ты! Слабак что ли? – расмеялась Лариса, подходя к брату, – Передаю эстафету! – и она протянула ему стакан.

Роджер взял стакан и, пробежав два круга по комнате мелкой трусцой, попытался перепрыгнуть через дверцу, но зацепился ногой и упал на живот. Лариса рассмеялась:

– Какой же ты неуклюжий! Папе бы тоже понравилось!

Но Роджер не смеялся. Он попытался встать, но его голова кружилась, и ноги не слушались.

– Лара, – обратился он к сестре, – помоги встать.

– А сам ты теперь не можешь? Перетрудился?

– Мне больно.

Лара медленно подошла к брату и помогла ему подняться. На груди Роджера краснело пятно. Лариса оторопела:

– Ро, это что еще? – она много слышала о том, как ранятся стеклом, сама была ранена не раз и умела оказывать первую помощь себе. Но на теле другого человека, тем более родного, эта рана напугала ее не на шутку, – Руководи, что надо делать. Ну и кровищи тут!

Вся рубашка Роджера стала черно-красной от пыли и крови. Лариса достала осколок стакана из груди брата и оставила его лежать на полу.

– Я скоро вернусь, жди, – с этими словами она выбежала из домика.

Через пятнадцать минут она уже вернулась с ведром чистой холодной воды.

– Тут речка недалеко. Нужно внести на нашу карту, – говорила Лариса, промывая рану брату, – Скоро домой пойдем, а завтра вернемся.

Роджер кивнул и закрыл глаза.

– Только попробуй уснуть, – прикрикнула на него Лариса, – я, конечно, сильная, но не на столько, чтобы твою тушу тащить! – она поставила ведро в соседнюю комнату, где полы были более влажными, – Если что, я сижу на улице, – вышла и села на лестницу, прикрепленную к толстому стволу ели.

На следующий день Роджер и Лара снова пришли к домику.

– Ты слышал, как она со мной сегодня разговаривала?! – кричала Лара, – Слышал бы ее наш папа!

– Знаешь, я бы тебя никогда не поддержал в осуждении старших, но сегодня даже мое терпение вышло. Уйти бы от неё подальше, – вздохнул Роджер.

– Ро! Ты гений! Всегда это знала! – Лара вскочила с табуретки, – Давай сбежим!

– Это еще что за бред! А как же папа?

– Папа поймет, что мы ушли ненадолго – оставим ему записку с нашими координатами.

– Еще скажи, что жить будем здесь, – прошептал Роджер. Лара оперлась руками на пыльный стол:

– А что? Неплохо! Тут миленько! Притащим пару подушек и хватит. Одежда нам не нужна, а еду будем из дома по утрам воровать!

– Скажи, что ты сейчас пошутила.

Лариса молча села на табуретку и провела пальцем по столу:

– Некоторые и не в такой грязищи живут.

– Я отказываюсь от твоих афер.

– Нет. Ты остаешься здесь. А я сейчас приду, – она выскользнула за дверь.

– И куда ты собралась? – спросил Роджер, когда комната уже была пуста.

– Скоро верну-у-ушь! – послышалось за дверью.

Когда Лара вернулась с подушками и едой, она легла спать. Роджер протер пыль, собрал с пола осколки стакана, положил их на полку в тумбочке и, вымыв полы и тарелки, лег рядом с сестрой:

– А всё-таки, тут не так уж и плохо...

– Точно-точно, – сонно прошептала Лариса.

Полторы недели пролетели быстро, не смотря на то, что дни были похожи друг на друга, как клонированные. Утром Лариса воровала еду и приносила несколько раз книги для брата. В обед они гуляли, или Роджер читал Ларе книжку. А вечером они доедали почти всю еду, которую удалось получить, оставляя немного:

– На всякий случай, – говорила Лариса, – вдруг завтра не получится своровать.

Но каждый день у неё получалось, и дети жили беззаботно.

Последние дни недели выдались жаркими.

– Не хочешь пару ночей провести у реки? – спросила как-то Лариса.

– Неплохо, – ответил брат, – ты помнишь дорогу?

– Тут недалеко! – обрадовалась Лариса, – Тогда завтра я принесу еду, и сразу пойдем.

Роджер улыбнулся и продолжил читать книжку.

На следующее утро всё пошло по задуманному плану, и вскоре ребята были уже у реки.

– Красиво, – прошептал Роджер. Река была узкая – переплыть ее не составляло больших усилий. Рыбы в ней не было, но вся она серебрилась волшебными нитями, отблесками солнечных лучей, а на другом берегу сидела белка прямо у воды, и отражение её хвоста красиво расплывалось на водной глади.

– Сейчас же купаться! – и с разбегу Лариса нырнула под воду. От разошедшихся повсюду брызг хвост белки покрылся крупной рябью, а потом и вовсе исчез. Роджер тоже нырнул в воду. Ребята провели так половину дня. А вечером расстелили какое-то рваное покрывало на берегу, съели какие-то остатки хлеба и колбасы и легли спать.

– Сегодня как-то скудно на ужин, – сказал мальчик.

– Всё, что смогла. Попробуй сам украсть продукты! Там вечно эти горничные на кухне болтают!

– Ладно тебе, не злись. Доброй ночи.

И оба уснули.

На следующее утро нужно было вернуться в домик и украсть еще еды, потому что с собой больше ничего съестного не было.

– Вернёмся сюда еще разок. Прежде чем сдать нашу мерзкую мачеху, я еще раз искупаюсь, – сказала Лариса брату по пути в домик.

– Точно.

Остальную дорогу они шли молча.

И так, мы приближаемся к месту встречи, к противостоянию, к будущему нашей истории.

Эрик любил просыпаться рано. Каждое утро он с нетерпением подходил к окну и смотрел на небо. Если солнце поднималось из-за горизонта, оставляя за собой шлейф нежно-розовых полос, то настроение Эрика с той же секунда становилось хорошим; если облака скрывали восход звезды, Эрик ходил целый день задумчивый и угрюмый; если же с самого утра шел дождь, Эрик ходил понурый и тревожный. Но был еще один критерий к настроению Эрика – он всегда спал неподалёку (вернее, она) – настроение Элизабет. Если она, проснувшись и только-только оторвав голову от подушки, улыбалась, а, одеваясь, застенчиво пританцовывала под музыку в голове, то настроение Эрика становилось таким же праздничным. А если Элизабет, проснувшись, была тиха и задумчива, Эрик и в этом ей подражал. Но в отличие от душевного расположения Эрика, настроение Элизабет ни от чего не зависело: с каким проснулась – с таким целый день и проходила.

Первый рассвет, который Эрик встретил в домике, был, бесспорно, прекрасен: солнце плыло медленно и сонно, словно само только поднималось с постели, разводило по небу тысячи играющих лучей; за солнцем следовал шлейф нового платья – оно было больше красным, чем розовым, и больше золотистым, чем жёлтым. Лучи пробегали по верхушкам елей и спускались ниже на колючие ветви. Добравшись до окна домика, они ненадолго задержались на лице спящей Лизы и осторожно прикоснулись к щеке Эрика. Элизабет развела руки в стороны, изогнув ноги так, что тряпка, которой она была укрыта всю ночь, сползла и оголила бедро девочки. Она медленно, щурясь, подняла веки. Золотистые ресницы окаймляли голубые глаза.

– Доброе утро? – спросила она друга.

– Еще какое! Жаль, что ты опять всё упустила, – прошептал Эрик.

– И вовсе ничего не упустила, – Элизабет села на полу, снова натягивая на ноги полосатую ткань, – Я же не весь день проспала!

– Удивительно... – прошептал возмущенно Эрик, но девочка его не услышала. Она встала с пола и натянула на ноги короткую зелёную юбку.

– Голодный? – спросила она его.

– На твоём месте я бы думал о том, куда мы идём дальше.

– Это ещё зачем? – Элизабет было начала аккуратнo складывать свою постель, но неоднозначность фразы, произнесенной другом, её остановила, – Мы же составили план еще до побега.

Рик молчал. Элизабет продолжила складывать покрывало, успокаивая себя мыслями о том, что у них всё расчерчено на карте. Когда же она дотронулась до подушки, на которой спала, на полу виднелось темное пятно.

– А это еще что такое? – спросила Элизабет и отшагнула от «постели». Эрик подошел к пятну, нагнулся и дотронулся до него. Пятно было высохшим. Эрик поднес пальцы к носу и закашлялся:

– Это кровь.

Элизабет села на стол.

– Как думаешь, – сказала тихо она, – здесь кого-то убили?

Эрик не отвечал.

– А что, если кто-то узнал о нашем побеге и решил подкараулить нас здесь. Чтобы убить?.. – вскрикнула девочка. Голос её дрожал.

– Ещё скажи, что это пятно от предыдущей жертвы нашего убийцы! – рассмеялся Эрик, – Ты никогда еще так серьезно ничего не воспринимала! – сказал он, опуская руку в ведро с водой, – Кроме физики, конечно... – улыбаясь, добавил он и взглянул на подругу. Никогда он ещё не видел её такой напуганной.

– Эй, – он подошел к ней и взял мокрой рукой за подбородок, – ты чего?

Элизабет замялась, закрыла глаза, и на щеки ее выбежал застенчивый румянец:

– Рик, я не хочу, чтобы ты так умер, – шепотом сказала она, положив ему на щеку свою руку. Взгляд её стал мокрым – в них, казалось, было больше воды, чем в том ведре.

– Я не умру, – сказал Эрик, – по крайней мере, так. Обещаю.

Они обнялись и рассмеялись.

– А всё-таки это глупо! – сказала вдруг Элизабет, вскочив со стола, – Чтобы тут, в этом милом месте кто-то кого-то уб... – договорить она не успела. Дверь отворилась, и на пороге показались две тёмноволосые головы, уже знакомы нашему читателю.

– Вы кто? – Лариса подошла к Элизабет так близко, что каждая из девочек чувствовала дыхание другой.

– Это вы кто? – вскрикнула вдруг Элизабет и подошла еще ближе к Ларисе.

Тем временем, в загородном доме родители пропавших детей устроили настоящий переполох. Но прежде, чем рассказать, на сколько изменилась обстановка в Белом Замке (как называли свой дом сами жильцы), следует рассказать о том, какой она была до пропажи самого ценного, что в нем было.

Замок находился на возвышении и был выстроен из крупного белого кирпича. Территория была обнесена высоким кованым железным забором с такими же кирпичными колоннами, над которыми нависали ветви раскидистых ив и привезенных из разных стран экзотических деревьев – крона их была розовым пухом, словно сахарной ватой, в очередь за которой на ярмарках выстраиваются дети. После утренних занятий Лара забиралась на их ветви, чтобы спрятаться от назойливой мачехи. Мачеха Лары и Роджера появилась в их доме в тот же год, что пропала их мать. Обстоятельства исчезновения были весьма странными: по приезду из Индии отец бегал счастливый по дому, рассказывая всем, как удивительна эта страна:

– А какие там деревья! А какие там слоны! – говорил он. Никаких описательных слов, кроме «какой», «какая», и «какое» он не применял, и прислуга часто над ним из-за этого подшучивала.

А мать целый день бродила по дому, окутанная опасением, отвечала в разговорах невпопад и постоянно повторяла, что очень любит детей. Отец всех заверил, что у неё простуда:

– Наверняка, жар из-за простуды. А уж от жара и до бреда не далеко. Простыла, поди, на корабле, – продекламировал он детям и прислуге, собравшимся в холле третьего этажа.

Но доктора никто не вызвал, а к вечернему чаепитию стало ясно, что фигура матери исчезла из собственной комнаты на третьем этаже. Отец горевал около недели. По прошествии двух месяцев, проведенных отцом в своем запертом кабинете, в Замке стала появляться высокая тёмноволосая дама, которую, впрочем, никто не видел раньше ни в Замке, ни вообще в обществе. На ней было всегда что-то непременно красное или бардовое (как говорила она «винного цвета»), а локоны длинных волос ниспадали хаотично до самого пояса. Всё в ней было как-то неестественно и наиграно, что у детей сразу вызвало массу негативных эмоций.

По сему, отец решил запира́ть детей в их комнате во время прихода гостей. Визиты Красной дамы становились всё чаще. А однажды она приехала в самую бурю и пожелала остаться.

– Лара, Роджер, – говорил на следующее утро отец, – у нас есть прекрасные новости.

В комнату вошла Красная дама в свободном утреннем ярко-красном платье и встала возле кресла, в котором сидел отец:

– Ваш папа хочет сказать, что мы скоро поженимся, – быстро сказала она и провела рукой по плечу отца, что явно насторожило детей, – Теперь, это наша крепость, – закончила она.

– Не крепость, а замок, – отрезала Лара и вышла из комнаты широкими гулкими шагами.

– Не беспокойтесь, она скоро привыкнет, – заверил Роджер отца и гостью, – Она никак не может примириться с исчезновением нашей матери, – прошептал Роджер, как-то особенно произнеся последнее слово, и ушел за сестрой.

Новость для детей оказалась не радостной, чтобы не сказать трагичной. Их пропавшая мама была единственным человеком, способным уговорить Лару быть спокойнее, дочь лишь её и слушала. А сын, осознав, что мать уже, верно, не вернётся домой, нашел в себе силы не выказывать эмоций, в то время, как Лара истерично вопила на горничных, а по вечерам устраивала обиженные бойкоты. Словом, в этом хаосе новый человек становился новой проблемой. А мачеха принесла с собой целый мешок.

– Папа, – сказала Лара, как-то вечером заглянув в кабинет отца, – Вы женитесь завтра?

– Да, звездочка, а что? Ты уже выбрала платье? – обрадовавшийся приходу дочери, отец расплылся в удовлетворённой улыбке.

– Я надену свои любимые брюки и не приду к ней на свадьбу, – грозно процедила Лара.

– Но, звездочка...

– Единственный человек, – перебила его дочь, – который мог сюда явиться, это наша мама. А ты впустил эту женщину! – вскрикнула Лара и вышла из комнаты. Утром под дверь кабинета лежала записка, не нуждающаяся в подписи:

«Можешь взять её в жёны, но мы её ненавидим».

Сразу же после свадьбы новая королева Белого Замка устроила «Дворцовые перевороты»: внутри весь замок стал красным – обивка всех диванов и ковров была Её любимого оттенка – и пропах Её же духами. У детей появился график, в котором было отражено поминутно их расписание на день так, чтобы с отцом они виделись только вечером в саду, когда шли на чаепитие (да, и чаепития были у детей отдельно от взрослых), и то мельком, а Красную даму не встречали вовсе.

Но не подумайте, что всё было так плохо. Отец понимал, что дети не в восторге от новой мамы (так она просила себя называть), и распорядился, чтобы каждые два месяца на три недели дети были отправлены в какую-нибудь хорошую частную школу за границей. Постепенно, дети свыкались с причудами мачехи (иногда, даже Ларе удавалось её вытерпеть), но так и не смогли её принять в семью.

– Пусть она и живет в нашем доме, – говорила Лара Роджеру, – она никогда не станет жить в нашей семье. Потому что даже если ты сдашься, я никогда не обрадуюсь, увидев её фигуру в красном рядом.

В обед, когда в кабинет отца пришли два учителя, всему Замку пришлось принять трагическую правду:

– Дети пропали! – верещали горничные.

– Совсем как их мать несколько лет назад, – шептали кухарки.

Красная дама не бродила по дому, как обычно, она сидела на балконе, подперев голову рукой, и смотрела вдаль, словно сейчас там покажутся заигравшиеся дети.

– А я говорила тебе, Майк, – сказала она вечером мужу, – нельзя их отпускать гулять. Они сбежали в лес и, наверняка, уже мертвы...

– Не переживай, Рита, не переживай. Я получил от них записку с почерком Лары. Они живы, – и он тоже посмотрел в стону леса, где солнце заходило за горизонт, царапаясь о верхушки лесных елей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.